

В. В. ПОЛИТОВ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ
ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ РУСИ (2000–2020)¹**

**MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE ERA OF THE
TATAR-MONGOL CONQUEST OF RUSSIA (2000–2020)**

This article is devoted to the analysis of historiography of one of the most dramatic periods in the history of Russia – the period of Horde dependence. It presents modern domestic historiography in the period 2000–2020, during which there has been a great accumulation of ideas on a variety of issues, chiefly the interpretation of the term “yoke” as debated in the scientific community and the consequences of its influence on the socio-political institutions of the Russian principalities. The article highlights the modern works of historians distinguished, on the one hand, by the continuity of experience accumulated by the Marxist school, and on the other hand, by innovative approaches and new conclusions that refute the seemingly established canonical interpretations of the role of the Mongolian element in the works of Soviet classics. Regional historiography is also shown, among which the Kazan school plays a special role. The latter often pays increased, and sometimes exaggerated attention to the role of Horde domination in the formation of the Moscow centralized state, the legitimation of the power of Russian princes and the emergence of the title “tsar” and other institutions.

Keywords: Mongol-Tatar yoke, historiography of Horde dependence, Anton Gorskii, Vadim Trepavlov, Iurii Seleznev.

Vitalii V. Politov - Candidate of Historical Sciences (CSc), School No. 1517 in Moscow. E-mail: vita-politov@yandex.ru

1 *Citation:* В. В. Политов, “Sovremennaia rossiiskaia istoriografiia epokhi tataro-mongol'skogo zavoevania Rusi (2000–2020)” [Modern Russian Historiography of the Era of the Tatar-Mongol Conquest of Russia (2000–2020)], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 135–152. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.17

Современная историография истории Руси периода ордынского владычества отличается наличием условно четырех направлений, которые мы можем идентифицировать скорее по географическому фактору, чем по научной традиции. Это московское, Санкт-Петербургское, Казанское и региональное. Казанское направление историографии в силу ее этнического аспекта и контекста можно также охарактеризовать как национальное. Хронологические рамки ордынского отрезка русской истории мы определяем от 1237 г. – времени ордынского нашествия на Русь, и до 1480 г. – года окончательного падения ордынского ига, хотя необходимо признать, что эти даты тоже условны.

Ключевой темой всей историографии на отрезке 1237-1480 гг. является тема ордынской зависимости. Попытка исследователей изучать частные вопросы: устройство власти, культурные особенности Руси, борьба с нашествием северных крестоносцев и др., в любом случае натывается на краеугольный камень русско-ордынских отношений, длившихся на протяжении как минимум двух с половиной столетий. Поэтому в данном разделе внимание уделено историографии так называемого монголо-татарского ига и его последствиях для социально-политической истории Руси. Проанализировав историографию 2000-2020 гг. необходимо отметить, что за данный период накоплено большое количество научных трудов, имеющих значительный разброс во взглядах на ту или иную проблему. Это и не удивительно, так как ключевые вопросы данной темы вызывают большой резонанс: термин «иго», временные рамки существования ордынской зависимости, степень ее влияния на быт, нравы, культуру, экономику, титулатуру русских князей, последствия ордынской зависимости для формирования централизованного Московского государства и др.

Особенностью современной российской историографии татаро-монгольского завоевания является появление большого количества разнообразных концепций ученых, что было связано с крушением идеологических схем марксистской школы, которые препятствовали появлению инакомыслия и отходу от «руководящей» линии партии. На смену формационному подходу к объяснению исторических фактов пришла либерализация во всех областях знаний, что часто приводит к другой крайности – отрицанию всех наработок марксистской школы и того весомого вклада советских

ученых, который стал твердой основой для дальнейшей разработки поставленного вопроса².

Попытки найти новые схемы истолкования исторических процессов применительно к нашей теме в целом необходимо признать довольно успешными, так как на современном этапе появились труды исследователей, внесших определенный вклад в развитие вопроса о рецепции монгольских институтов на Руси. Концепции некоторых историков по-прежнему опираются на фундамент марксистской традиции. Но появились и новаторские подходы, что нашло свое отражение в применении и изучении новых методологических схем: палеографические исследования, геофизический анализ почв, реконструкция климатических условий и ландшафта в эпоху ордынского ига, текстологические и количественные исследования и т.д.

Постмарксистская эпоха характеризуется в отечественной историографии отсутствием единства и поиском новых форм в методологии, способных заменить отход от марксистских исторических схем без потери качества научных исследований; возрождением тех исторических концепций, которые были отвергнуты марксистской историографией; обращением к достижениям мировой исторической науки и гуманитарного знания последних 40-50 лет³.

Московское направление в силу объективных причин представлено наибольшим количеством историков, которые занимаются вопросами истории Руси в ордынское время: А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Н. С. Борисов, П. В. Лукин, В. А. Кучкин, Н. А. Макаров и др. Вопросу о степени рецепции ордынских институтов на Руси уделит особое место в своих многочисленных монографиях и статьях В. В. Трепавлов (р. 1960). Он рассматривает русские северо-восточные земли как вассальные, включенные в империю Чингис-хана на положении «русского улуса». Но главная мысль историка сводится к тому, что Северо-Восточная Русь входила в состав Золотой Орды не как отдельный улус, а всего лишь как плательщик выхода, управляемый на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации. В. В. Трепавлов также отмечает

2 В. В. Политов, *Отечественная историография влияния монгольского ига на политические институты Северо-Восточной Руси*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. (Москва: 6/и, 2017), 14–16.

3 К. А. Соловьев, *Дело власти: отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX-перв. пол. XV вв.)*. (Москва: МАКС-пресс, 2001), 12.

имитацию старого степного института соправительства среди русских правителей, где у каждого из двух соправителей-кочевников были своя территория («крыло»), двор (аналог правительства), особый титул, автономия в решении внутренних и внешних вопросов⁴. Из анализа русских летописей историк заметил, что ордынский правитель на протяжении XIII-XV в. воспринимался как абсолютно законный государь, стоящий на иерархической лестнице выше всех разномастных великих и удельных князей⁵. Последняя мысль В. В. Трепавлова нашла сторонников в лице А. А. Горского, Д. М. Котышева, И. И. Измайлова и др.

А. А. Горский (р. 1959) в монографии «Москва и Орда» (М., 2000) оспаривает устоявшиеся в историографии стереотипы, касающиеся, например, борьбы тверских князей с Ордой, решающей роли Ивана Калиты в становлении Московского государства, датировки окончания «ига» и др.⁶ Он также прослеживает эволюцию употребления царского титула в памятниках письменности. По мнению А. А. Горского термин «царь» обозначал византийского императора, а после падения Византии (1204 г.) значение термина «царь» перешло от императора Византии на монгольского хана. Последний рассматривался как законный сюзерен русских земель и его титул «царь» был выше титула «великих князей»⁷. Легитимация власти ордынских ханов, по мнению ученого, подтверждается тем, что большинство восстаний в Северо-Восточной Руси имели своей причиной не сопротивление завоевателям, а борьбу за власть как между русскими княжескими группировками, так и внутри Орды⁸. Большую роль в освобождении от ордынской зависимости А. А. Горский видит в преодолении русским народом представления о легитимности ордынской власти на Руси⁹.

А. А. Горский, как и В. В. Трепавлов, считает, что не существует однозначного ответа на вопрос: положительное или отрицательное было влияние ордынского ига? Если рассматривать проблему со стороны Орды, то правильнее говорить о «системе властования

4 В. В. Трепавлов, *Золотая Орда в XIV столетии*. (Москва: Квадрига, 2010).

5 А. А. Горский, *Москва и Орда*. (Москва: Наука, 2001), 14.

6 А. А. Горский, *Русское Средневековье* (Москва: Астрель, 2009), 163.

7 Горский, *Москва и Орда*, 57.

8 А. А. Горский, *Средневековая Русь. О чем говорят источники*. (Москва: Ломоносов, 2016), 127–128.

9 Горский, *Средневековая Русь*, 169.

ния над русскими землями», а если смотреть на проблему со стороны Руси, то уместнее говорить о «системе зависимости русских земель»¹⁰. Историк считает ошибочным приписывать татаро-монголам заслугу в объединении русских земель, так как осознанное стремление русских земель к централизации началось только с конца XIV столетия¹¹. В данном случае А. А. Горский продолжает концепцию советских историков А. Н. Насонова и Б. Д. Грекова, которые видели лишь отрицательную роль монголо-татар в централизации Северо-Восточной Руси.

В 2019 году вышел историко-терминологический справочник А. А. Горского «Русское средневековое общество», в который включены статьи о русских средневековых терминах, имеющих отношение к общественному устройству. Среди них представлены социальные слои и категории населения, названия земельных владений, подати, территориальные единицы, титулы правителей с указанием источников, в которых эти термины встречаются, что представляет особую ценность. Данные термины хронологически относятся к периоду до конца XIV столетия, а некоторые (бельщик, властель, осмичее, езд, вязебное, промыта, руга, туска, чадь, хоженое и др.) являются довольно затруднительными для толкования¹². Своеобразным итогом деятельности А. А. Горского стала книга «Бесщисленныя рати и великыя труды», объединяющая как опубликованные, так и неопубликованные работы, в которых преобладают проблемы политической, социально-экономической истории и источниковедения, рассматривается процесс роста владений московских князей в конце XIII–XV вв.¹³

Н. С. Борисов выпустил целый ряд биографий русских князей в научно-популярной серии ЖЗЛ: Иван III (2000), Дмитрий Донской (2014), Михаил Тверской (2017), Василий Темный (2020). Для работ Н. С. Борисова характерен глубокий историософский анализ каждой биографии, поиск значения каждой личности для русской средневековой истории, большой акцент не на текстологическом анализе упоминаний об определенных событиях, а попытка осмыслить уже

10 Горский, *Средневековая Русь*, 119–120.

11 Горский, *Средневековая Русь*, 180.

12 А. А. Горский, *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник* (Санкт-Петербург: ИЦ Института российской истории РАН, 2019).

13 А. А. Горский, *«Бесщисленныя рати и великыя труды...»: проблемы русской истории X–XV вв.* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018).

устоявшиеся исторические факты через призму философского и культурологического исследования.

Философ и историк-востоковед Э. С. Кульпин (1939–2015) был новатором школы социоестественной истории, которая с новых позиций рассматривала проблемы, связанные с татаро-монгольским «игом»¹⁴. После падения Золотой Орды, полагал историк, новым системообразующим этносом стал русский, но Русь не приняла от Орды ни казны, ни налаженной системы управления государством¹⁵. Северо-Восточная Русь к моменту падения Золотой Орды находилась на пороге социально-экологического кризиса природы и социума, как считает Э. С. Кульпин. Ее культурные, экономические, информационные и природные потенциалы к моменту создания империи были намного слабее, чем у Золотой Орды до «Великой замятни». Он также отмечал аграрную перенаселенность (дефицит земли, лесов, зверя, меда, рыбы)¹⁶. Необходимо отметить, что Э. С. Кульпин трезво относился к своим смелым и новаторским выводам о влиянии ига на эколого-социальные последствия для Руси. Он осознавал высокую степень гипотетичности этих умозаключений, подтверждение правильности которых зависело от дальнейшей разработки вопросов в рамках изучения социоестественной истории.

В 2000 г. вышла статья В. А. Кучкина (р. 1933), рассматривающая влияние монголо-татарского владычества на развитие русской культуры. Историк отмечает, прежде всего, изменение географического пространства существования русской культуры. Нашествие, по мнению ученого, вызвало сужение территории, в рамках которой могла развиваться русская средневековая культура вследствие того, что древнерусское население уходило на запад, север и северо-восток¹⁷. Историк отмечает также, что кризисные явления

14 Социоестественная история (СЕИ) – научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук. Она исследует взаимодействие природы и общества. Ключевым словом здесь является «взаимодействие», т.е. процесс, в котором имеет место прямая и обратная связь. Прямая и обратная связь во взаимодействии человека и природы проявляется прежде всего в хозяйственной деятельности человека, в технике и технологии.

15 Э. С. Кульпин, «Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках)», *Общественные науки и современность*, по. 3 (2001): 86–87.

16 Э. С. Кульпин, *Русь между Западом и Востоком* (Москва: Буква С, 2001), 206.

17 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго и судьбы культуры средневековой Руси» в *Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова*, ред. А. Н. Боханов (Москва: Б/и, 2000), 97.

привели не только к сужению пространства, но и к структурным изменениям в нем, что выразилось в упадке старых и росте новых политических центров¹⁸. В. А. Кучкин отмечает, что иноземное «иго» привело к созданию новых социальных институтов и к существенному изменению старых: баскаков заменили числяки, ордынцы и делюи, о которых одним из первых упоминал В. И. Сергеевич¹⁹. В. А. Кучкин заметил также изменения в духовной культуре: исчезли захоронения в курганах и сопках после нашествия. Им на смену приходят грунтовые могильники, где усопших хоронят по христианскому обряду²⁰. В. А. Кучкин отмечает пресечение летописания после нашествия в Киеве, Чернигове, Переяславле Южном и Переславле Залесском. Отличием новой летописной традиции, по мнению историка, стало исчезновение широкого политического горизонта домонгольской поры, отсутствие материала о событиях в других русских княжествах, сухость и лаконичность статей, смещение идеалов общества от монашеского отречения в сторону воинского подвига и гибели за веру²¹. Последнюю тенденцию более подробно исследовал В. Н. Рудаков²².

Изучения политической структуры Древнерусского государства в условиях взаимоотношений с Золотой Ордой касался в своих работах К. А. Соловьев. Суть этих преобразований он пытался вывести на основании двух принципиальных вопросов применительно к событиям середины XIII–XIV вв. Первый – в какой мере можно считать власть Орды легитимной, то есть признанной населением русских земель? Второй – что нового внесло ордынское иго во властные отношения, действовавшие на Руси ко времени вторжения войск Батыя? Вопрос легитимации ордынской власти в отечественной историографии, как отметил К. А. Соловьев, ставился редко, а если это случалось (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. Л. Хорошкевич), то ответ на него был отрицательным. Подобный подход является непопулярным у современных исследователей, так как последние считают ордынскую власть полностью легитимной в глазах древнерусского населения – А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Ю. А. Кривошеев,

18 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 98.

19 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 99.

20 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 100.

21 В. А. Кучкин, «Монголо-татарское иго», 101–102.

22 В. Н. Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.* (Москва: Квадрига, 2017).

Ю. В. Селезнев, Н. С. Борисов и др. Главными доводами в поддержку собственной точки зрения К. А. Соловьев выдвигает тезисы, очень схожие с теми, что обозначил веком ранее С. М. Соловьев. Суть их сводится к тому, что номинальная власть Орды практически не сказалась на эволюции властных отношений на Руси, следовательно легитимность самой Орды была близка к нулю, а легитимность князей определялась внутренними причинами и теми тенденциями, которые сложились в доордынский период²³.

Терминологическое исследование понятия «иго» провел В. Н. Рудаков (р. 1972). Он утверждает, что термин «иго» не вполне отражает всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII–XV вв. Историк считает правильным говорить не о вассальной (договорной) зависимости от Орды, а о министриальной – основанной на безусловном и прямом подчинении русских князей Орде, хотя формы этого подчинения претерпевали существенные изменения²⁴. Проведя текстологический анализ древнерусской литературы середины XIII–XV вв. В. Н. Рудаков смог выявить эволюцию восприятия древнерусскими книжниками ордынской зависимости. Если в XIII-перв. пол. XIV вв. русские летописцы воспринимали татар как «Божью кару» в духе смирения и непротивления легитимной власти хана, то в произведениях конца XIV–XV вв. монголо-татары воспринимаются как безбожные разорители христианства, борьба с которыми оправдана и священна со стороны отважных защитников Русской земли²⁵.

Оригинальную точку зрения на рецепцию политических институтов русского и ордынского государств высказал историк-этнолог Ю. М. Кобищанов (р. 1934). По его мнению, ордынские кочевники не могли привнести на земледельческую Русь своих институтов, а наоборот находились под ее влиянием. Он строго разделяет ордынскую аристократию и кочевников. Аристократия, по его мнению, заимствовала на подконтрольных русских землях такие институты, как дворы огланов, даруг, ямскую службу и др.²⁶

23 К. А. Соловьев, *Дело власти*, 152.

24 В. Н. Рудаков, «Концепция ордынского “ига” и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков», *Вестник МГИМО-Университета*, no. 4 (2012): 27. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-24-32

25 В. Н. Рудаков, *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. 3-е изд.*, (Москва: Квадрига, 2017), 174–176.

26 Ю. М. Кобищанов, *Очерки истории исламской цивилизации: В 2-х томах. Т. 2.* (Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008), 89.

Т. В. Черникова (р. 1961) подчеркивает в своем исследовании, что несмотря на зарождение основ государственно-вотчинного уклада во Владимиро-Суздальском княжестве в XII-начале XIII в., о чем упоминали историки государственной школы, столбовой дорогой внутреннего развития Северо-Восточной Руси он стал лишь под внешним воздействием Золотой Орды. К последствиям ордынского владычества историк относит также исчезновение древнерусских вечевых и дружинных традиций ограничения княжеской власти, усиление деспотизма русских князей и углубление внутреннего социокультурного раскола русского мира, что выразилось в контрасте юго-западных и северо-восточных русских земель²⁷.

Историография нашего периода была бы неполной, без упоминания исследований ближайшего соседа Руси – Великого княжества Литовского и особенностях его существования в ордынскую эпоху. Здесь нужно упомянуть монографию С. В. Полехова «Наследники Витовта», которая посвящена социально-политической истории Великого княжества Литовского в 1430–1440-е гг., драматическим выражением которой стала гражданская война Сегизмунда Кейстутовича и Свидригайло Ольгердовича²⁸.

Санкт-Петербургское направление историографии вопроса татари-монгольского завоевания Руси представлено такими исследователями, как И. Я. Фроянов, А. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров, Д. Г. Хрусталеv и др.

Последняя работа И. Я. Фроянова «Нашествие на русскую историю» является своеобразным историографическим обзором трудов и концепций ордынского периода в истории России. Часть монографии построена на анализе отношения историков и писателей к трудам Л. Н. Гумилева, которые традиционно обладали большим общественно-научным резонансом. Он анализирует концепцию со-циоестественной истории Э. С. Кульпина, теорию этногенеза Л. Н. Гумилева, взгляд на проблематику русско-ордынских отношений А. А. Горского, Ю. В. Кривошеева, А. В. Майорова и др. Отдельным пунктом выделены концепции так называемых «оборонцев», представителей советской исторической школы, которые полемизируют

27 Т. В. Черникова, *Европеизация России во второй пол. XV-XVI вв.* (Москва: МГИМО-Университет, 2012), 42.

28 С. В. Полехов, *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века.* (Москва: Индрик, 2015).

вали с Л. Н. Гумилевым в его взгляде на «иго» (А. Г. Кузьмин, В. А. Кучкин, П. П. Толочко и др.). Одновременно приводятся мнения писателей и ученых, поддержавших точку зрения Л. Н. Гумилева: Б. Л. Васильев, В. В. Кожин, Р. Ю. Почекаев.

И. Я. Фроянов подверг критике И. Н. Данилевского, который нивелирует значение Александра Невского в истории России²⁹. Корни «обеления» истории монголо-татарского ига И. Я. Фроянов видит и в художественном восприятии истории Л. Н. Гумилевым, оказавшем и оказывающим влияние на умы современных исследователей и обывателей³⁰. И. Я. Фроянов критически воспринял точку зрения А. А. Горского о том, что власть Орды считалась царской и имела ранг выше, чем власть русских князей³¹. В то же время историк солидарен с мыслью А. А. Горского о значительном воздействии ига на политическую систему Руси, что объясняется усилением обособленности русских земель и путей их развития³². В то же время, попытки И. Я. Фроянова дать политическую оценку взглядов историков уводят исследователя из научного поля в область тенденциозной публицистики.

В последнее время большое количество работ по монголо-татарской проблематике было написано учеником И. Я. Фроянова Ю. В. Кривошеевым (р. 1955). На основании ряда доводов Ю. В. Кривошеев пытается обосновать тезис о том, что на Руси так и не сложилось системы властвования ордынцев, а их влияние на Русь он считает минимальным. Ю. В. Кривошеев солидарен с В. В. Трепавловым, А. А. Горским, Т. Д. Скрынниковой в том, что эксплуатация не затрагивала экономических и социальных структур земледельцев и не объединяла их с номадами в одну структуру. Н. Н. Крадин (р. 1962) определял такие взаимоотношения Руси и Орды как «дистанционную эксплуатацию» – особый тип экзоплуатации, отличный от данничества, при котором земледельческая цивилизация не входит в состав кочевой империи.

Ю. В. Кривошеев отмечает, что на современном этапе традиционная парадигма русско-ордынских отношений пересматривается или критически уточняется в трудах А. А. Горского, К. А. Аверьянова,

29 И. Я. Фроянов, *Нашествие на русскую историю* (Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2020), 20.

30 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 22.

31 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 996.

32 Фроянов, *Нашествие на русскую историю*, 1014.

Д. Г. Хрусталева³³. В последнее время, как считает историк, рушится последний бастион сторонников радикальных изменений на Руси вследствие ига – археологические раскопки³⁴.

Тему экономического воздействия Орды, и, в частности, изменений в сфере торговли затронул Д. Г. Хрусталева (р. 1973). Во взглядах историка прослеживается параллель-синтез с исследованиями в этой области Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, которые, как и он, отмечали не только переориентацию торговых связей, но и их сокращение³⁵. Трансформация структуры повседневности, по мнению историка, проявилась значительно позже нашествия³⁶. Здесь он близок к концепции «отложенного действия», о которой упоминал американский ученый Д. Островски. Важно отметить, что в вопросах влияния Орды на русские социально-политические институты Д. Г. Хрусталева скорее более солидарен со своими московскими коллегами, чем представителями школы И. Я. Фроянова, относящих появление многих институтов на домонгольский период.

Д. Г. Хрусталева говорит о плохой разработанности в отечественной литературе вопроса о русско-немецком противостоянии в Прибалтике в XII–XIII в. Причем особо такой контраст выделяется на фоне многочисленной литературы об Александре Невском. Автор, отдавая дань значимости победы на Неве, в тоже время отмечает, что она никак не отразилась на событиях в Ливонии. Но ничуть не меньшее значение имели захват крестоносцами Юрьева в 1224 г. и Раковорская битва 1268 г., которая застолбила за немцами право на земли к Западу от Чудского озера³⁷. Ученый также делает акцент на необходимости изменения понятийного аппарата – терминологии: термины «крестоносная агрессия» и «колонизаторы» он предлагает заменить на «борьбу за сферы влияния» как более точно отражающую положение дел с обеих сторон – русской и немецкой³⁸. Автор также отмечает другую тему, едва затронутую в отечественной

33 Кривошеев, *Русь и монголы*, 408.

34 Н. А. Макаров, *Русь в XIII веке: характер культурных изменений в Русь в XIII веке: древности темного времени*, ред. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов (Москва: Наука, 2003), 7.

35 Д. Г. Хрусталева, *Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.)* (Санкт-Петербург: Евразия, 2013), 298–299.

36 Хрусталева, *Русь и монгольское нашествие*, 300.

37 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.* (Санкт-Петербург: Евразия, 2019), 543–544.

38 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы*, 545.

историографии – влияние русско-немецкого противостояния на внутренние процессы в Новгороде и в целом на Руси. Это влияние выразилось, помимо прочего, в росте светской власти Новгородского архиепископа, который по своему статусу стал напоминать положение архиепископа Рижского в Ливонской конфедерации³⁹.

Влиянию ордынского владычества на юридические институты на современном этапе уделяет значительное место Р. Ю. Почекаев (р. 1977), который исследовал право Золотой Орды, в том числе и по отношению к Северо-Восточной Руси. Он обратил внимание на усиление церковной власти под действием правовой силы ордынских ярлыков, выдаваемых русским митрополитам⁴⁰. Важно заметить, какие именно церковные социальные слои освобождались от «выхода». Ответ на этот вопрос попытался дать И. В. Белозеров, который пришел к выводу о том, что от уплаты податей были освобождены именно служители церкви (духовенство и причт), но не церковные работники (крестьяне монастырских сел и ремесленники)⁴¹.

Русско-ордынские отношения, как считает Р. Ю. Почекаев, можно сравнить с отношениями Древнего Рима и италийских общин республиканского периода в VI-II вв. до н.э. Признавая верховенство Рима, следуя в фарватере его внешней политики, оказывая военную помощь общины-федераты, в то же время, обладали самостоятельностью во внутренних делах, располагая собственными правовыми нормами и системой управления⁴².

Р. Ю. Почекаев допускает основания предполагать, что ханы также выдавали ярлыки русским купцам, так как активная торговая деятельность их с Ордой отмечена не только русскими летописями, но и восточными хронистами и западными путешественниками XIII–XV вв. Так сохранилась «опасная грамота» великого князя Ярослава Ярославича, изданная между 1266 и 1272 гг.: «Менгу Темерове слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижанам, и к болшим и к молодым, и кто гостить

39 Д. Г. Хрусталева, *Северные крестоносцы*, 549–550.

40 Р. Ю. Почекаев, *Право Золотой Орды* (Казань: Фэн, 2009), 184.

41 И. В. Белозеров, Налоговый иммунитет русского духовенства во время ордынского ига: известия летописей о переписи населения Северо-Восточной Руси в 1257 г. в *Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром*, ред. Купряшина Т. В., Смирнов Ю. В. (Муром: Стерх, 2002), 71–72.

42 И. А. Покровский, *История римского права* (Минск: Харвест, 2002), 68–70.

и ко всем: путь ваш чист есть по моеи волости»⁴³. Р. Ю. Почекаев отмечает также еще один важный факт легитимации власти золотоордынских ханов – религиозный фактор ислама и буддизма, что давало возможность претендовать на трон нечингизидам, которые, используя этот фактор, ни раз захватывали и сохраняли власть на постимперском пространстве вплоть до XVIII–XIX вв.⁴⁴

Р. Ю. Почекаев отметил также перенос некоторых ордынских наименований на русские грамоты. Это тарханные и шертные грамоты, в которых использовался формуляр ордынских ярлыков: адресант, наррация, диспозиция и др.⁴⁵ Проблемы влияния монгольского права коснулась также Л. В. Машанова. Результатом такого влияния она видит формирование особого взгляда на земельную собственность, правообладателем которой был не великий князь, а хан до определенного момента⁴⁶. А. П. Григорьев (1931–2010) обратил внимание на то, что в древнерусских княжеских грамотах доордынского и ордынского периода отсутствует ряд элементов, например, дата. Ее получили возможность включать в свои грамоты князья лишь после свержения ордынского владычества, так как ранее подобный акт мог выглядеть как попытка посягательства на прерогативу верховного правителя – ордынского хана⁴⁷.

Важное место в исследовании историографии по указанной теме имеют труды историков казанского направления или «казанской школы», которые начиная с 1990-х гг. XX в. ведут постоянные изыскания как в области «татарского вопроса» вообще, так и касательно золотоордынского наследия в частности.

И. Л. Измайлов обращает внимание на то, что имело место прямое включение монголо-татар в состав господствующего класса Московского, Рязанского, Владимирского, Нижегородского княжеств. По мнению историка, никакого симбиоза между лесом и степью, который представлялся Л. Н. Гумилеву и отчасти Г. В. Вернадскому, не

43 С. Н. Валк (ред.), *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* (Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1949), 57.

44 Р. Ю. Почекаев, «Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв.», *Золотоордынское обозрение*, по. 1 (2013): 96–105.

45 Почекаев, «Религиозные факторы», 207.

46 Л. В. Машанова, «Золотая Орда: проблемы восточных заимствований в российской государственности и культуре», *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, по. 1 (2011): 63.

47 Почекаев, *Право Золотой Орды*, 206.

существовало. Для казанских исследователей такая оговорка является скорее исключением, чем правилом.

К работам, имеющим этнонациональный уклон, относятся труды И. Р. Тагирова (р. 1936), взгляды которого отличаются гиперболизированным представлением о роли монголо-татарского фактора в становлении российской государственности, в основе которых как и у многих казанских исследователей, лежит евразийская концепция Л. Н. Гумилева о благотворной роли татаро-монгольского завоевания в истории России⁴⁸.

И. П. Ермолаев (р. 1932) считает нецелесообразным существование самого термина «иго», который он трактует как обычную и привычную форму феодальной зависимости, особенностью которой является то, что ее оформление связано с завоеванием. Историк полагает, что феодальный вассалитет берет начало, прежде всего, из экономической необходимости, хотя имеет политическую оболочку. И. П. Ермолаев обращает внимание на уникальность формы управления русскими землями по сравнению с другими областями (Волжская Булгария, Хорезм и др.), в которых не сохраняли местные династии власть, а все вассалы были ставленниками монголов. Орда, по мнению И. П. Ермолаева, признавала экономическую и культурно-политическую автономию русских земель. Зависимость выражалась только в наделении князей ярлыками и выплате последними дани в Орду⁴⁹.

Полная преемственность политических принципов Золотой Орды, после ее распада в XV в., выразилась, как считает исследователь, в восприятии политической терминологии (титула «царь») и восстановлении единства территории в границах распавшегося золотоордынского государства⁵⁰. В отличие от А. А. Горского И. П. Ермолаев считает, что титул «царь» скорее пришел на Русь из Орды, чем из Византии⁵¹. Ученый считает, что почти 250-летний период ордынского владычества ускорил процесс объединения Северо-Восточной Руси и повлиял на формы будущего политического организма⁵².

48 И. Р. ТАГИРОВ, *На крутом повороте истории*, (Москва: Собрание, 2019), 27.

49 И. П. ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия* (Казань: Изд-во Казанского государственного университета (КГУ), 2004), 94.

50 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 134.

51 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 303.

52 ЕРМОЛАЕВ, *Становление российского самодержавия*, 305.

Во 2-м издании работы «Становление российского самодержавия», вышедшей в 2018 г., историк замечает, что в основе процесса сложения своеобразной «азиатско-европейской» формы российского монархизма находятся природно-климатические условия Восточно-Европейской равнины. Природа и климат заставляли людей сплачиваться под единым руководством. Данная концепция роднит его с выводами Э. С. Кульпина, автора теории социоестественной истории⁵³. И. П. Ермолаев также солидаризируется с А. А. Горским в вопросе о победе в Куликовской битве, отмечая, что она была не столько антиордынской, сколько борьбой против ордынского сепаратизма и в защиту власти своего ордынского сюзерена⁵⁴.

Политолог Р. С. Хакимов (р. 1947) пытается найти философское осмысление 250-летнего владычества монголо-татар над Русью. Иго Р. С. Хакимов называет «грандиозным мифом», который был создан в Российской империи⁵⁵. Настаивая на преемственности ордынских порядков в русской государственности и культуре, Р. С. Хакимов, не отрицает и второй источник российской самобытности – Киевскую Русь⁵⁶. В своих концепциях Р. С. Хакимов фактически копирует взгляды славянофилов, М. Г. Худякова и представителей евразийской школы – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Л. Н. Гумилев, Г. В. Вернадского, Н. А. Клепинина и др.

Отдельно можно выделить региональное направление историографии ордынского периода в истории России. Здесь представлены работы историков из регионов, которые не вошли ни в одну из трех представленных выше групп – Московской, Санкт-Петербургской и Казанской.

Воронежский исследователь Куликовской битвы А. О. Амелькин (1961–2007) рассмотрел «татарский вопрос» в общественном сознании России конца XV – 1-й пол. XVI в. на примере отдельных памятников агиографии и фольклора. Он пришел к выводу о том, что монголо-татары в древнерусских произведениях не воспринимаются как враждебный этнос. Более часто использовался мотив религиозных

53 И. П. Ермолаев, *Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: от Рюрика до Ивана Грозного* (Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018).

54 Ермолаев, *Истоки и условия*, 522.

55 Р. С. Хакимов, *Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации)* (Казань: Идель-Пресс, 2005), 196, 198, 203.

56 Р. С. Хакимов, Два истока российской государственности, *Родина*, no. 8 (2005): 47.

различий. «Татарский вопрос», как считал ученый, оказал определенное воздействие и на становление идеологии самодержавия, которая начала формироваться в первой половине XVI в.⁵⁷

Ученик А. О. Амелькина, воронежский историк Ю. В. Селезнев (р. 1975) исследовал так же, как и А. А. Горский, вопрос о влиянии монгольского завоевания на титулатуру русских князей и обратил внимание на взаимное соответствие политической иерархии Руси и Орды. Ю. В. Селезнев в ранних работах более склонялся к полному включению княжеств Северо-Восточной Руси в золотоордынскую политическую систему. Историк утверждал, что русские князья копировали политическую иерархию Монгольской империи⁵⁸. Но в последних монографиях автор, исходя из анализа времени пребывания русских князей в Орде, несколько изменил свои взгляды, отмечая тот факт, что ордынское влияние на внутривнутриполитические процессы не было определяющим⁵⁹.

Историк солидарен с устоявшимся взглядом А. А. Горского и В. В. Трепавлова на Русь как не включенную в ордынскую государственную систему, однако полагает, что русские земли не пользовались особым положением среди стран, завоеванных монголами, на них распространялась та же система управления, как и на другие ордынские территории. Одно из подтверждений своему тезису Ю. В. Селезнев находит в поэме «Задонщина», где Русь названа «Залесской Ордой»⁶⁰. Историк ссылается на А. А. Горского, полагающего, что великие и удельные князья, управляли своей землей только по воле хана, причем на протяжении втор. пол. XIII – XIV вв. такое положение не оспаривалось ни самими князьями, ни в памятниках литературы или общественной мысли⁶¹.

57 А. О. Амелькин, *Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV- первой половины XVI вв.* (Воронеж: Научная книга, 2008), 135.

58 Ю. В. Селезнев, «Титулатура Русских князей в XIII–XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды» в *Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка*, ред. Л. В. Заборовский (Москва: б/и, 1998), 127.

59 Ю. В. Селезнев, *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв.* (Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013).

60 Ю. В. Селезнев, «Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности», *Родина*, по. 9 (2012): 125.

61 А. А. Горский, «*Всего еси исполнена земля русская...*»: *Личности и ментальность русского Средневековья* (Москва: Языки славянской культуры, 2001), 137.

В одной из последних работ Ю. В. Селезнев использует метод исторического моделирования, который позволяет привлечь весь методологический арсенал для составления максимально полной картины событий и явлений⁶². Используя данный метод, историк выявил на основании источников русских князей, посещавших Орду в период с 1242 по 1445 гг. Полученная информация позволила ему прийти к выводу о том, что русские князья не были включены в высший слой элиты Орды, они не приняли политическую доктрину Монгольской империи. Следствием этого он называет слабую степень ордынского политического влияния на развитие государственных институтов внутри русских княжеств, но одновременно считает, что подобную модель межгосударственных отношений вполне допустимо называть «игом».

Итак, российская историография 2000–2020 гг. проделала значительную работу по исследованию периода монголо-татарской зависимости на Руси. Отход от строго негативного восприятия ордынского владычества, который господствовал в советское время, позволил историкам делать смелые выводы об изменениях таких социально-политических институтов, как княжеская власть, титулатура, внешняя политика, торговля, культура и т. д.

В трудах современных исследователей прослеживается инерция исторических концепций советского периода. Говоря об общих тенденциях, можно условно выделить три наиболее популярных. Во-первых, историки отказываются воспринимать монголо-татарское иго как отрицательное явление (А. А. Горский, В. В. Трепавлов и др.), видя в ордынских ханах правителей, проводивших гибкую политику на Руси, исходя из своих интересов. Во-вторых, Русь историки воспринимают как вассала Орды, но не как союзника или внутреннего игрока (В. В. Трепавлов, К. А. Соловьев, Р. Ю. Почекаев, Н. Н. Крадин, И. П. Ермолаев и др.). В-третьих, многие из историков не считают должным преувеличивать влияние ига и отводят ему главную роль лишь в сборе даннического «выхода», отмечая, что большинство иных влияний и заимствований нужно относить на домонгольский период (И. Я. Фроянов, Ю. В. Кривошеев, В. Н. Рудаков и др.). О существовании единого подхода к восприятию ордынского

62 Ю. В. СЕЛЕЗНЕВ, *Картины ордынского ига* (Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета (ВГУ), 2017), 21.

периода в настоящее время говорить не приходится, что, с одной стороны, свидетельствует о плюрализме мнений в свободной трактовке «татарского вопроса», с другой стороны не позволяет пока что выделить магистральные направления и школы. Проверка временем представленных здесь концепций, возможно, внесет в будущем коррективы в этот вопрос.